

Сын русской вечности

...Один из тех людей, кому не раз доводилось видеть нашу планету с борта космического корабля, вспоминает, что, когда он впервые взглянул в иллюминатор, ему вспомнились с детства знакомые строки:

В небесах торжественно и чудно!

Спит земля в сиянье голубом...

«Как мог он это написать?!» - удивленно восклицает космонавт, - ведь только с той высоты, оттуда можно увидеть, что земной шар окружён голубым ореолом...»

Сущность гениального творчества в том, наверное, и таится, прежде всего, что его создатель, живя на земле среди людей в определённый ему судьбой час истории, видит всё открытое для их глаз. Он способен разглядеть в мельчайших подробностях и событиях случившиеся за тысячу лет до него и те тайные тревоги, что живут в душах его современников, но о которых они еще сами не догадываются. Он может увидеть наяву и те потрясения, которые произойдут с миром и людьми в дальнем грядущем. Это не зрение глаз, а зрение сердца, зовущееся предвидением, провидением. Вот почему для потомков - именно для них - он становится провидцем. Пророком. Современники?— Нет, почти никто из них не в силах разглядеть пророка в человеке, который живет среди них, ничем от не отличаясь внешне, разве тем, что занят творчеством; но творения его редко вызывают у них добрые чувства, чаще всего бывает наоборот:

С тех пор, как вечный судия

Мне дал всеведение пророка,

В очах людей читаю я

Страницы злобы и порока,

Провозглашать я стал любви

И правды чистые ученья:

В меня все ближние мои

Бросали бешено каменья.

Но истинный гений и под градом камней, и даже перед лицом смертельной опасности не отрекается от своего предназначения, оно ему дороже жизни. Он знает: земная жизнь - лишь миг вечности, и вечным будет его дар пророка, возглашающий любовь и правду, и они увидят землю именно такую, какою она увиделась его душе, возвысившейся до космоса, - в торжественном и чудном голубом сиянии.

Михаил Юрьевич Лермонтов знал, что он - офицер русской армии. И офицером, воином он был отменным; о мужестве его в битвах свидетельствовали даже те его современники, что не испытывали к нему добрых чувств. Но было лишь одно звание, которое он почитал превыше всех титулов, почестей и наград. Это звание от веку именуется призванием. Призванием Поэта. Вот что прежде всего знал о себе гвардии поручик

Михаил Лермонтов. И свой пророческий дар он осознал необыкновенно рано. Так чаще всего происходит в жизни великих художников слова: в самые юные годы они начинают ощущать в себе гигантские силы, предназначение творца (а вспомним, что слово «творец» во времена Лермонтова относилось прежде всего к создателю Вселенной), осознают немислимую высоту подвига, который каждому из них предстоит свершить своим творчеством,

Кто может, океан угрюмый,
Твои изведать тайны? Кто
Толпе моей расскажет думы?
Я - или Бог - или никто!

Это писал о себе восемнадцатилетний юноша, едва только поступивший в Санкт-Петербургскую школу гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров. Кто в начале жизни не мечтает потрясти мир своими делами? Даётся же это лишь очень и очень немногим, тем, кто одарен необычайно, и, что не менее важно, кто не только мечтает, но и желает претворить мечты в явь:

Мне нужно действовать, я каждый день
Бессмертным сделать бы желал...

Так мыслил свою жизнь будущий автор «Демона» и «Мцыри» в семнадцать лет в том же стихотворении, «1831-го июня...», он пишет:

...и понять
Я не могу, что значит отдыхать.
Всегда кипит и зреет что-нибудь
В моем уме. Желанье и тоска
Тревожат беспрестанно эту грудь.
Но что ж? Мне жизнь все как-то коротка,
И все боюсь, что не успею я
Свершить чего-то!— жажда бытия
Во мне сильнее страданий роковых...

Нет, здесь вовсе не то, что нынче зовется «юношеским максимализмом», преувеличением своих сил и возможностей. Юноша Лермонтов не просто выплеснул в этих строках свою горящую страсть к жизни — он, опять-таки сегодняшним языком говоря, высказал в них свою реальную программу жизнедеятельности. И - вот едва ли не главная, прекрасная и трагичная одновременно особенность его стихов и прозы — во всем, что он пишет, он действительно оказался пророком. Его мечты, его светлые и горькие предчувствия, его думы о будущем своем и грядущем России, даже смутные догадки - все, что вложил он в Слово, рано или поздно становилось явью, даже смертельный поединок, описанный им в «Герое нашего времени», почти по всем приметам совпадает с его последней дуэлью у подножья горы Машук; разница лишь в том, что наяву, а не в книге, был убит именно Герой, а не его недруг, столь же пустой и жалкий, как погибший на страницах романа Грушницкий...

И не напрасно опасался семнадцатилетний поэт краткости своей будущей судьбы на земле: всего лишь десять лет прожил он после того, как написал эти строки. Но сколько же успел свершить он к исходу двадцать седьмого года своей жизни!.. Дело, конечно, не в количестве написанного. Лермонтов не просто много написал за краткий срок: он создал пером целый мир. Неповторимый, свой. Мир Лермонтова.

Такое можно было свершить только с неистовой «жаждой бытия», желанием действовать, созидать. Внешне жизнь поэта была заполнена самыми разнообразными занятиями, присущими большинству молодых дворян его века. Он постигал науки в Благородном пансионе при Московском университете, а затем и в самом университете, обучался искусству боя и верховой езды в Школе юнкеров, он трясся в кибитке и на арбе по российским горным дорогам; ссыльный офицер, он «мчался на лихом коне» в отчаянную рубку, под пули противника. Он, как все в молодости, страстно влюблялся - и редко любовь приносила ему радость, чаще он страдал и бушевал от непонимания, измен и холода его избранниц; он танцевал на балах, пировал с друзьями... Но все это составляло лишь внешнюю сторону его жизни. Внутренней же было воплощение мечты «каждый день бессмертным делать», ежедневный, непрерывный и яростный труд, работа над словом. Иначе он не стал бы Лермонтовым. Не случайно в одном из самых горьких своих стихотворений, в «Думе», печалась о судьбе своего поколения, которое вырастало в годы после подавления восстания декабристов, в смутное, лишенное прежних свободлюбивых идеалов и полное разочарований время поэт сильнее всего опасался того, что «в бездействии состарится оно». Для Лермонтова, кажется, не было хуже греха, чем бездействие... Поныне среди многих людей живет расхожая легенда о поэтах как о праздных мечтателях, слагающих свои песни лишь по зову вдохновения, далёких от реальных земных дел. Весь жизненный путь автора «Думы» - самое красноречивое опровержение этой легенды:

...А он, мятежный, просит бури,
Как будто в бурях есть покой!

С детства входят в наше сознание эти строки об одиноком белеющем парусе. В них поэт самыми простыми словами и вместе с тем предельно глубоко, точно и зримо раскрыл свою мятежную душу, её неукротимое стремление познать мир, простор, её жажду свободы, простора, её тягу к действию, к преодолению преград и грозных стихий. Он действительно писал лишь по вдохновению, но вдохновение жило в нем всегда. Парус его души не мог существовать в штиле, в спокойной лени: ветер бурь, страстных чувств, мучительных дум и тревог, наполнявший его, был ветром вдохновения. Ведь человека, щедро наделенного многими дарованиями, можно и впрямь сравнить с парусным судном, до предела нагруженным разнообразными сокровищами,— лишь сильный ветер необходим ему в пути. А одаренность Лермонтова была воистину необыкновенной.

Он был наделен не только поэтическим гением, писательским даром вообще. Ему была присуща удивительная музыкальность - играл на скрипке,

на фортепиано, пел, сочинял музыку на собственные стихи. (В воспоминаниях о нем есть версия, что в основу песни «Выхожу один я на дорогу...» положена его собственная мелодия.) До нас дошли блестящие образцы его живописи, пейзажи, портреты, рисунки. В этом он был гораздо более профессионален, чем Пушкин, черновики которого тоже были испещрены карандашными набросками, изображающими его героев. Особенно поражает акварельный автопортрет: Лермонтов на фоне гор Кавказа, в бурке с кинжалом на поясе, с огромными глазами, полными печали и огня. Ни один художник не мог изобразить поэта-воина точнее, чем он сам...

Вернее будет сказать так: Лермонтов был наделен единым даром - гением художника, в котором сливалось все: и слово, и музыка, и цвет. Будь иначе, его «Бородино» осталось бы для нас всего лишь с т и х а м и, рифмованным повествованием: но ведь тем и поражает нас оно сегодня, что, читая его строки, мы видим и слышим эту страшную битву, в которой решалась судьба России и всей Европы. Мы оглушены орудийной канонадой, мы задыхаемся в дыму, мы ослеплены вспышками огня и алыми потоками крови - мы становимся очевидцами и участниками сражения.

Вам не видать таких сражений!..

Носились знамена, как тени,

В дыму огонь блестел,

Звучал булат, картечь визжала,

Рука бойцов колоть устала,

И ядрам пролетать мешала

Гора кровавых тел.

Изведал враг в тот день немало,

Что значит русский бой удалый,

Наш рукопашный бой!..

Земля тряслась — как наши груди;

Смешались в кучу кони, люди,

И залпы тысячи орудий

Слились в протяжный вой...

В Москве, в Филях, рядом с избой, где некогда держал военный совет Кутузов, решая, оставлять или нет столицу неприятелю, мы можем сегодня вершить круги в здании, где расположена «Бородинская панорама», громадное произведение батальной живописи, созданное Ф.Рубо; оно изображает целиком всё поле битвы, можно разглядеть даже пуговицы на мундирах русских и французов... Но даже оно по своему ярчайшему эффекту детализации не может соперничать с тем впечатлением, которое оказывает на нас «Бородино», с жизненной, исторической и художественной правдой. Идя вдоль панорамного полотна, мы только видим бой; читая же лермонтовский шедевр, каждый из нас чувствует всю жуткую и героическую реальность сражения, всем существом вовлекается в давнюю явь; он — уже

не просто читатель, а действующее лицо исторического события. И - поэзии.

| Поручик Лермонтов не был участником Бородинского сражения — но его чувство истории, воображение его ума и сердца дали ему возможность заговорить в этом стихотворении устами старого русского воина, предельно достоверно воссоздать одну из самых драматических страниц прошлого России (для него — недавнего прошлого), потому что он сам был русским воином, сам познал, что такое «бой удалый», что такое свист клинка и жужжание пули рядом с собственной головой. Поэт, написавший «Бородино», был участником этой битвы. Оттого и читатель — если, конечно, он любит и Россию, и её поэзию, вслед за автором идет из своего времени в тот день конца августа 1812 года, оказывается на поле сражения близ подмосковного села Бородино.

Одним из таких читателей был Лев Толстой, сказавший однажды, что «Бородино» — зерно его «Войны и мира». Русская литература – вечный космос, где ни одно светило не существует само по себе, где любая звезда рождает новую, даря ей свой свет. Сказано же Лермонтовым: «И звезда с звездою говорит...»

Вот в чём, по-моему, главное свойство лермонтовской поэзии, магнитная сила её особого обаяния: не только в «Бородино» и «Выхожу один я на дорогу...» кровавая реальность битвы и звёздная высь над землёй в голубом сиянии превращаются в наше личное бытие – так происходит, когда мы читаем любое его произведение. Другие человеческие гении пера приближают к нам свое «я», своих героев, и мы, захваченные властью их строк, живем, любим, страдаем, ненавидим вместе с ними. Однако какое-то пусть малое и незримое, но все-таки есть расстояние, одеяющее нас от них. С Лермонтовым иначе. Он как бы «перевоплощает» личность каждого из нас в свою. Каждый из нас становится героем того или иного его творения. В этом магическом взаимопроникновении поэта и мира, писателя и читателя он достиг высоты, никем из русских художников слова не занятой. Ни до него - ни после. Даже — Пушкиным.

Пушкин и Лермонтов... В истории нашей литературы два этих имени стоят всегда рядом. Начиная с сороковых годов прошлого века и по наше время любой из исследователей русской поэзии, любой из поэтов, бравшихся за перо критика, будь то Белинский, Блок или Бунин, неизбежно соединяет их и сравнивает их друг с другом. Справедливо говорится о том, что без Пушкина не было бы Лермонтова: многие произведения автора «Демона» и «Героя нашего времени» выросли из стихотворных и прозаических «зерен», содержащихся в творчестве автора «Евгения Онегина». В своё время младшего из двух гениев даже упрекали в подражании старшему, чему были некоторые чисто внешние основания: ранние, да и некоторые зрелые творения Лермонтова по своей форме, по строению, по интонациям и другим чертам имеют явное сходство с пушкинским почерком, в них слышится отзвук пушкинского голоса... Но и в былые времена наиболее прозорливым исследователям, и особенно сегодня - при всей разнице мнений, при том, что

каждый из нас будет по-своему прав, любя одного из двух волшебников стиха больше другого,— становится непреложной одна истина: Пушкин и Лермонтов — два совершенно разных мира. И спорить о том, какой из двух миров выше и прекрасней, столь же бессмысленно, как спорить о том, что прекрасней: могучий лес - или океан, белоснежная зима — или красное лето...

Эта истина резко пресекает, к примеру, следующее утверждение: именно Лермонтова мы назвали бы сегодня самым великим поэтом России, если бы он не погиб так рано. Но вспомним, что и Пушкин ушел из жизни на тридцать восьмом году... Младший поэт не был ни подражателем старшему, ни - в буквальном смысле - его продолжателем. Он вершил для русской литературы вовсе не то, что «не успел» свершить его предшественник, и не потому только, что после дуэли на Черной речке до поединка у Машука прошло всего четыре года; нет, он творил лишь то, что мог только он один, никто другой, даже Пушкин, писал лишь то, что диктовалось ему внутренним миром, вселенной его души.

А мир его был совсем иным, чем у Пушкина. Оба гения были дворянами, жили в одной и той же России, не раз могли встретиться (да вот не встретились, такова была жестокая ирония судьбы), но не будет преувеличением сказать, что даже дышали они разным воздухом, настолько разительно несходство меж их человеческими и творческими судьбами... «Солнце русской поэзии» — было сказано о Пушкине сразу после его гибели. «Веселое имя — Пушкин!» — было произнесено Блоком в нашем веке. Оба определения устремлены на главное, изначальное в мире творца «Онегина»: светоносность жизни и творчества. При всех немалых страданиях, какие довелось ему вынести, величайший русский поэт в нашем восприятии остаётся прежде всего певцом жизнеутверждения, счастья любви - даже безответной; мир его полон гармонии, и свет в его мире побеждает мглу. «Да здравствует солнце, да скроется тьма!» — эта строка могла бы стать эпиграфом ко всему его творчеству.

К миру Лермонтова она не подходит, он жил и чувствовал совершенно по-другому. «Железный стих, облитый горечью и злостью» — вот одно из беспощадных определений, какие он сам давал своей поэзии; оно правдиво, хотя и далеко не полностью характеризует её. Глубочайший трагизм мировосприятия, одиночество человека среди бессмысленности и пустоты жизни, непримиримый раскол меж личностью и обществом, невыносимость страданий, вызванных повсеместным торжеством тьмы над светом, добра над злом, тиранства над свободой, грязного обмана над честью, пошлости и холода над чистой и горячей, верной страстью любви — вот главные черты духовного состояния поэта и большинства его героев. А Демон, чуждый всему и всем, «дух изгнания», отрицающий мир и проклинаемый миром? Конечно, не себя изобразил поэт в этом сатаническом образе, однако же, и очень большую часть своего «я» вложил в него...

...И жизнь, как посмотришь с холодным вниманьем

вокруг,—

Такая пустая и глупая шутка,...

Подобное горчайшее откровение не могло вырваться у Пушкина даже в самые тяжкие минуты. «Если жизнь тебя обманет, Не печалься, не сердись!» — вот одно из характерных проявлений пушкинской жизненной философии. Но поэт, написавший «И скучно, и грустно», по всей натуре своей не мог не печалиться и не гневаться, когда жизнь обманывала его. Его сердце слишком остро воспринимало любую несправедливость, любой обман, и острее, болезненнее всего оно чувствовало раны, нанесенные обманом любимой женщины. Любовная лирика Лермонтова особенно красноречиво свидетельствует о том, что самое жаркое из всех человеческих чувств было для него не просто чувством, тяготением к женщине — оно было для него верой, и утрата взаимности означала крушение веры. Вот почему такая боль обжигает нас в его стихах о любви. Там, где Пушкин с грустной и всепонимающей улыбкой мудреца, прощаясь с былой любовью, говорил неверной даме сердца светлые, спокойные, даже утешительные слова, полные рыцарского смирения: «Я вас любил так искренно, так нежно, Как да вам Бог любимой быть другим», — там для автора «Демона» наступает катастрофа, гибельный шторм, землетрясение, душа его кипит и бушует, полна гнева, отчаяния и даже мщения:

Начну обманывать безбожно,
Чтоб не любить, как я любил;
Иль женщин уважать возможно,
Когда мне ангел изменил?

Поэтому душа его в раздоре не только с миром, но и сама с собой:

Моя воля надеждам противна моим,
Я люблю и страшусь быть взаимно любим.

Верой для Лермонтова, причем самой высокой, страстной и всепоглощающей, была и любовь к родной земле. К Отчизне, к России... И в этой любви, в этой неистовой вере он тоже спорил сам с собой, жестоко и непримиримо спорил. «Странною» называл он сам свою любовь в стихотворении «Родина», и она действительно была такой, донельзя противоречивой, Не в том только, разумеется, была ее противоречивость, что поэт, ощущавший себя сыном и певцом России, как говорится, «бичевал пороки» тогдашнего общественного строя, метал стрелы в царизм и вельмож. Это азбучные истины, со школьных времен наскучившие нам: признаемся честно, мы же любим поэта не за его антимонархические общественные настроения. И все же они во многом точны, эти школьные наставления: да «бичевал», да, ненависть у него вызывали многие принципы государственности в империи Николая Первого, и не мог он поступать в своем творчестве иначе, хотя бы потому, что он был поэтом, честным и свободолюбивым человеком, и ненависть его ко многим высшим императорским чиновникам была естественной, ему претило всё, что сковывало свободное развитие личности, что тяжким камнем ложилось на умы, таланты и трудолюбие русских людей, цепями становилось для них. Здесь особого противоречия у него в любви к России не было...

...Сегодня, когда наша страна проходит сквозь нелегкие и для многих неожиданные испытания, когда круто и часто болезненно решается её судьба, мы с новой силой понимаем, что любовь к Отечеству своему — чувство очень непростое. Не из одних восторгов состоит. Не из слепого восхищения её достоинствами. И не славословиями, не сладкими речами нужно выражать эту любовь. И словно сегодня написанные, звучат для нас слова из прозы Лермонтова: «Довольно людей кормили сластями; у них от этого испортился желудок: нужны горькие лекарства, едкие истины». Но ведь известно: в излишних дозах лекарство может становиться ядом, убивать. И опять-таки перед нами встает сегодня вопрос — где мера? Как её найти? Лермонтов эту меру знал. Ибо его любовь к Отчизне, его вера в неё были пронизаны высокой тревогой за неё, болью предчувствий за её грядущее. Одно, из его стихотворений так и зовется — «Предсказание»:

Настанет год, России черный год,
Когда царей корона упадет...

Не задавались ли многие из нас еще в школе вопросом: как же так? Почему поэт, отнюдь не молившийся на корону, прославивший её врагом называет «черным» год её грядущего падения?

Лермонтов и в этом предсказании стал ясновидцем; его любовь к России, его боль и тревога вызвали в его воображении следующую картину

...Когда детей, когда невинных жен
Низвергнутый не защитит закон;
Когда чума от смрадных, мёртвых тел
Начнет бродить среди печальных сел,
Чтобы платком из хижин вызывать,
И станет глад¹ сей бедный край терзать;
И зарево окрасит волны рек:
В тот день явится мощный человек,
И ты его узнаешь — и поймешь,
Зачем в руке его булатный нож;
И горе для тебя! - твой плач, твой стон
Ему тогда покажется смешон...

Уму непостижимо, но это так: в 1830 году шестнадцатилетний поэт предсказал, воочию увидел в главных чертах и в страшных подробностях те события, которые лишь через многие десятилетия произошли в России после падения монархии. Он словно бы владел неким магическим теле-скопом, с помощью которого сквозь толпу грядущих времен разглядел ту страницу нашей истории, что зовется гражданской войной, сумел прочесть на ней почти всё, вплоть до появления «мощного человека», имя которого всем нам известно... Конечно, его историческое предвидение опиралось на его знание прошлого другой страны: Великая Французская революция 1789 года, ознаменовавшаяся свержением монархии и казнью короля, сопровождалась и внутренними распрями, и террором, и голодом, и, в конце

¹ Глад — голод (старославянск.)

концов, она выдвинула на сцену истории мощную, огромную и неоднозначную личность — Наполеона Бонапарта (к образу которого не раз обращался в своих стихах Лермонтов). Но в «Предсказании» юный русский гений не вспоминал прошлое, он выразил свои предчувствия будущего России.

Так что же — неужели Лермонтов, чья вольнолюбивая душа столько страдала от жестких имперских канонов, регламентировавших жизнь россиян, Лермонтов, отнюдь не бывший фаворитом царского двора и трона,— неужели он с болью думал о грядущем падении самодержавия? Определенно можно ответить — нет. Не стоит приписывать излишней прогрессивности его общественным взглядам, но его отношение к короне и трону было гораздо более резким и непримиримым, чем у Пушкина. Однако, зная своих сограждан, народ, его историю, он сознавал и предчувствовал, что в его родной стране резкие социальные сдвиги, перемены в политическом строе не обойдутся без кровавых и трагических событий. И не за падение короны, было страшно ему, а за те страдания и беды, которые будет суждено испытать великому множеству ни в чем не повинных россиян, за жертвы и разрушения... Эту свою боль, тревогу и любовь он передал новым поколениям русских художников слова. Не случайно же в одном из самых пронзительных стихотворений прекрасного нашего современника Николая Рубцова появились такие строки:

Не жаль мне, не жаль мне растоптанной царской короны,
Но жаль мне, но жаль мне разрушенных белых церквей!..

Это — явственное продолжение и развитие гуманистического и патриотического мотива лермонтовской поэзии, его тревожной думы о сохранении бесценного сокровища родной страны, её духовного, культурного достояния - её высшего достоинства. Оно рождалось веками, создавалось всем народом. Всем миром, как говорилось в старину, и в мире, в ладу меж людьми. Офицер Лермонтов на своем опыте познал страшную реальность войны, сечи, кровопролития, братоубийственных распрей, и потому поэт Лермонтов, не любя и даже ненавидя многое в современной ему России, жаждал мира и единения людей в ней, страдал от предчувствия её грядущих потрясений.

Трудно, непросто любить Россию, но совсем невозможно русскому не любить её, особенно в её тяжких испытаниях. Это понимание, столь необходимое нам сегодня, всей своей поэзией и жизнью дает Лермонтов, поэт, любивший Отчизну «странною» любовью, в которой печали и разлада с общепринятыми взглядами на родную страну было много больше, чем радости и восхищения.

Действительно, не странно ли нам читать:

...Ни слава, купленная кровью,
Ни полный гордого доверия покой,
Ни темной старины заветные преданья
Не шевелят во мне отрадного мечтанья.

И это написал поэт, воспевавший славу русского оружия в «Бородино»? И это сказал автор былинной «Песни...», в которой богатырь-купец Степан Калашников, не убоявшись гнева Ивана Грозного, кладет голову на плаху ради чести? Автор

поэм и стихотворений о славной вольности древнего Новгорода... Ему ли не дорога была история его Отечества? Но в том же стихотворении «Родина» Лермонтов сам разрешает спор, который ведет его рассудок с его сердцем. Ценить, понимать, уважать — дело разума. Любят же — сердцем, часто не подчиняющимся никаким правилам, никакой внешней и общепринятой логике.

Но я люблю — за что, не знаю сам —
Её степей холодное молчанье,
Её лесов безбрежных колыханье,
Разливы рек её, подобные морям...

Человек может любить не то, о чем он читал или слышал, а то, что он познал, увидел, всем существом прочувствовал сам. Лермонтов любит з е м л ю родную и её живых людей. Он познавал их, едучи в телеге по непролазным проселкам, ночуя в степи вместе с обозом, в курной избе, сидя на бивуаках рядом с казаками и одетыми в солдатские шинели крестьянами... Хорошо и удобно любить свою страну, сидя в уютном кресле и читая (или, как нынче, — смотря телефильм) о доблестных победах предков, или же восхищаясь дворцами и храмами, творениями её зодчих. Но как же трудно бывает любить то, что есть перед тобой в будничной жизни, любить страну, зная, что в ней царят невзгоды, произвол, творится беззаконие, что люди в ней неправы, жилища их убоги, деревни разорены и печальны, и в горьком веселье пляшут пьяные мужики...

Лермонтов любил такую Россию. Свою, неприкрашенную, ту, которую он познал до глубины за краткий свой век.

...Попробуем, читатель, полюбить нашу Россию, сегодняшнюю нашу Землю, которой так нелегко живется.

Вот в чем один из главных уроков, который даёт нам сегодня автор «Родины»...

Не знай поэт настоящей, реальной своей земли и её людей, не возникли бы на страницах его книг ни умирающий воин из «Завещания» («Наедине с тобою, брат, хотел бы я побыть...»), ни лихие гусары, ни нищий из одноимённого стихотворения, ни разбойные рыбаки из «Тамани», ни суровый и добрейший Максим Максимыч, ни центральное действующее лицо лермонтовской прозы — Печорин. Образы, разительно не схожие друг с другом, но единые в одном: в той Правде жизни, с которой они изображены. Они были современниками поэта, и он ведал душу каждого из них. Как никто из русских поэтов до него, он проник в тайны человеческой натуры — и увидел там далеко не только добро. «От многих знаний - многие печали» — говорится в одной из древнейших книг. Как же было не появиться в лермонтовских строках преобладанию мотивов горечи, желчи, гнева и даже презрения к современникам? Столько пороков, столько низости, подлости, пошлости, неверности, неблагодарности разглядел он в мире человеческой души! И всё же... Как в печальной и часто неприглядной панораме России он узрел и полюбил символ её света, чистоты и высоты — «чету белеющих берез» на холме среди хлебной нивы, — так и в душах людских он отыскал не один лишь мрак. Причудливое, невероятное, невообразимое, фантастическое — и в то же время обыденное, повседневное, в каждом из людей существующее; переплетение, взаимопроникновение мрака и света, низкого и высокого, подлости и доблести,

веры и неверия — вот что такое для Лермонтова была душа человеческая. В ней всегда вершится единоборство добра со злом, как и во всем мире. И редко добро бывает победителем.

С таким миром, с такой жизнью, с такой душой людской Лермонтов не мог жить в ладу. Всё его творчество — отражение этого разлада. Но самое обжигающее в правде его поэзии — то, что и собственная душа поэта была увидена им именно такой. Ничем не краше, чем души его героев-современников, простых и знатных людей России.

А поэтому он имел право сказать: «История души человеческой... едва ли не любопытнее и не полезнее истории целого народа».

Да, то, что исследователи зовут лермонтовским «демонизмом», «отверженностью одинокого романтика», — одна из существенных основ его личности и поэзии. Однако его всезнание людей и России, трагическая глубь его проникновения в отдельную душу человеческую и в натуру народа рождали в нём и совершенно иные основы и начала. Веру. Надежду. Любовь. По отношению к отдельной личности, как и к целой стране. Так что своя правота была и в другом его откровении: «у России нет прошедшего; она вся в настоящем и будущем».

Но даже и гений не всегда бывает полностью справедлив в оценках и особенно в самооценках. Ибо, когда мы читаем раздольное сказание поэта о богатыре-купце Калашникове, когда читаем героическую поэму «Последний сын вольности», где изображена древнерусская жизнь времён Рюрика, или хотя бы то же «Бородино», — невозможно поверить, что эти полнокровные, страстные, исторически правдивые произведения написаны без любви. Без любви к «тёмной старине», к прошлому России, к её величественной, противоречивой, горькой и славной истории. Да, не согласимся мы здесь с Лермонтовым: он сам этими своими творениями доказывает эту любовь, утверждает, что и грядущее, и настоящее россиян вырастает из их былого, они едины, вместе они — русская вечность. Она была увидена Лермонтовым насквозь. В своей неизмеримой глубине.

И опять — не в первый и не в последний раз — возникает на страницах имя Пушкина. Вспомним: его творчество, справедливо было названо «энциклопедией русской жизни». Он показал, насколько необъятна вселенная русского бытия. Его творчество — сама широта России. Творчество Лермонтова — её глубина.

Оба поэта были очень русскими, людьми. Но каждый исключительно по своему. Образ поэзии старшего из них и его собственный — размах русской души, её солнечность, жизненная сила. Её органичность в жизни, умение принимать мир мудро, таким, какой он есть. Да, какие бы тяготы и муки не выпадали на долю Пушкина, он, даже бунтуя и протестуя, восставая против злых сил судьбы и общества, был все-таки в ладу с миром. И с собой. У Лермонтова — всё противоположно. Недаром парус его одинок. И не случайно так поражает наше воображение образ одинокого листка, оторвавшегося от родимой ветки: можно ли сильнее выразить то чувство печали и неприкаянности, которое редко кто из людей былых времен и наших дней, не испытывал, особенно когда берут нас в полон громадные российские просторы, их дальние дороги (не говоря уже о том, что в этом образе предугадана горькая судьбина множества россиян, волей истории нашего века оказавшихся на чужбине...)

Лермонтов всей своей судьбой и творчеством показал, какие грозы и бури могут таиться во внешне спокойной и мягкой русской личности, каким могучим бунтом может взрываться его дух, как не смиренен и неукротим бывает он в своем разладе, в своем споре с миром, людьми и с самим собой. Как глубок...

Вспомним известные стихотворные остроты Пушкина, многие из которых стали народными присловьями, «летучими фразами». Лермонтов тоже в стихах мог по-русски «припечатать», из-под его пера вышло много метких афоризмов — но они, в отличие от пушкинских, тоже полны чаще всего не искрометности, а боли и грусти, хотя бы вот эти: «Была без радости любовь, Разлука будет без печали», или: «Все это было бы смешно, Когда бы не было так грустно».

В жестоком споре с собой и обществом офицер-поэт находился и тогда, когда в его поэзию и жизнь вступала битва, когда он участвовал в боевых действиях. Можно сказать точнее — в войне. Не будем сейчас анализировать ту страницу российской истории прошлого века, что зовется «покорением Кавказа», это заняло бы немало страниц. Скажем лишь одно: вхождение многочисленных горских народов под власть империи не было, конечно, добровольным и дружеским присоединением, но не было и всего лишь колониальной войной. Недаром оно заняло целые три десятилетия: на Кавказе столкнулись интересы нескольких держав, и в итоге история показала, что присоединение к России оказалось благом для сохранения национальной самостоятельности черкесов, чеченов, ингушей и других племен. Но война есть война, она всегда — кровь, пожарища, плач вдов, матерей и сирот. Конечно, видеть всё это Лермонтову было донельзя больно, убийство одного человека другим вообще казалось ему противоестественным, а перед его глазами гибли целые аулы; и с горечью он писал о доле человеческой:

Я думал: жалкий человек.
Чего он хочет!., небо ясно,
Под небом места много всем,
Но непрестанно и напрасно
Один враждует он — зачем?

И все-таки он воевал, сражался отчаянно, лихо, доблестно. Вот строки из журнала боевых действий «Чеченского отряда»: «Тенгинского пехотного полка поручик Лермонтов... несмотря ни на какие опасности, исполнял возложенное на него поручение с отменным мужеством и хладнокровием и с первыми рядами ворвался в неприятельские завалы». Он был человеком такого склада, что жить, не испытывая опасности, просто не мог. Сказал же он о парусе своей души: «...просит бури». Совсем юным он сказал в письме своей возлюбленной: «Умереть с пулею в сердце — это стоит медленной агонии старика...» Но, думается, храбрый воин получился из поэта прежде всего потому, что он был человеком чести, а честь включала для него в себя такие понятия, как верность долгу, верность присяге. Он прекрасно понимал: не во всём справедлива политика России, но это была его Россия, и плохим её воином он не мог быть.

Но не войну воспел он в своих «кавказских» творениях, а прекрасную, суровую и дивную страну гор, запечатлел в них колоритную жизнь горских народов, самобытные и яркие натуры мужественных горцев, чарующую красоту горянок, легенды и сказания аулов. Потому, хотя в стихах и поэмах Лермонтова,

вдохновенных воинской полосой его судьбы, есть немало батальных сцен, описаний жарких схваток и рубок,— читая их, мы не о войне читаем. О красоте земли и человека. Мы видим людей, чья натура выкована горами: сильных, страстных, крепких, гордых. В поэмах, стихотворениях и прозе своей кавказской поры Лермонтов — опять-таки как никто другой до него — проявил, вывел на свет, показал миру удивительное, органичное свойство русской природы: умение понимать характер другого народа, не отвергать, а принимать иноплеменные нравы, устои, обычаи, перенимать лучшее из них. Даже тогда, когда волею судеб другой народ становится «противоположной стороной» на поле политической вражды... О, эта доброта и отзывчивость русских!.. Как хочется сказать тем, кто сегодня отрицает эти черты нашего народа,— почитайте Лермонтова.

...Достаточно упомянуть о том, что современные этнографы и филологи Кавказа, восстанавливая первоначальные тексты древних песен горских народов, те религиозно-племенные и родовые явления их фольклора (и даже чеканные узоры женских украшений и конской сбруи), что были со временем утрачены,— обращаются к поэмам и прозе Лермонтова как к «справочнику»: столько там сохранено и запечатлено в ярких и зримых деталях. Поэма «Беглец», например, выросла из черкесской песни о предателе и трусе, бежавшем с поля боя; так вот, первоначальные слова этой песни были забыты — и сегодня потомки тех горцев, с кем был знаком поэт-офицер, поют на своем языке слова его поэмы — «Гарун бежал быстрее лани...». Мудрено ли? Ведь он свободно изъяснялся на нескольких горских наречиях. И как тут не вспомнить о том, что он, прекрасно знавший европейскую словесность, не просто перевел, но сделал достоянием нашей литературы множество жемчужин западной поэзии. Ведь когда мы слышим, например, «Горные вершины Спят по тьме ночной...» или «На севере диком стоит одиноко...», в сознании сразу же вспыхивает — Лермонтов, и лишь затем приходит мысль о том, что это переводы из Гёте и Гейне.

Душа поэта принадлежала России, но была открыта всему миру. Это — главное, что роднит Лермонтова с Пушкиным.

И скреплено родство двух гениев было смертью старшего из них.

Не буду подробно пересказывать самый знаменательный факт судьбы Лермонтова (и его биографию в целом — она известна читателям опять же со школьной скамьи, и познавать её объем лучше по самим стихам). Вспомним основное: ставший жертвой крупнейшей дворцово-политической интриги, затронувшей и его личную жизнь, гибнет от руки чужеземца лучший творец русской литературы; юный гусарский офицер откликается стихотворением, клеймя в нём высших слуг трона, направивших руку убийцы,— и вскоре вся читающая Россия наизусть заучивает его, передававшееся в списках. Начинается слава Лермонтова — и его опала, первая ссылка, а затем, как в цепной реакции, другие невзгоды, царский гнев, удары судьбы, приведшие его всего лишь через четыре года к такому же роковому финалу, какой постиг его старшего брата...

Выскажу лишь несколько соображений, связанных со стихотворением «Смерть Поэта». Да, его создание означало главный рубеж в жизни Лермонтова. Но утверждать, как делают и поныне некоторые литераторы, что новый гений «возник из пушкинской гибели», — неверно, если не кощунственно. С

обнародованием «Смерти Поэта» к Лермонтову пришла широкая известность — но ведь Лермонтовым-то он уже был: до 1837 года написал большую часть того, что сегодня зовется его наследием. И «Парус», и «Чашу жизни», и многие поэмы, и прозаические творения... И, конечно же, это тоже поразительно, особенно с сегодняшней точки зрения: создать столько шедевров и не печататься (хотя такие возможности у юного дворянина были, но лишь одна поэма и одно стихотворение были опубликованы до 1837 года, и то без ведома автора). Дело, думается, не в скромности: Лермонтов знал, кто он, хотя действительно даже скрывал от многих свои поэтические занятия. Но знал и другое — что живет, рядом с Пушкиным... *Сохранились воспоминания, утверждающие, что он искал встречи с ним, ждал, что Пушкин сам благословит его на путь поэта (как в свое время Державин благословил юного лицеиста Пушкина).* Младшая звезда ждала, когда старшая заговорит с ней, протянет ей свой луч. И когда выстрел на Черной речке оборвал эти надежды, Лермонтов понял, что его судьба решена: его стихи должны принадлежать всем людям. Он понял: нельзя России без Поэта. Но если бы он сам не осознавал значение уже написанного им, масштаб своей личности — смерть Пушкина ничего не решила бы в его жизни. И стихотворение «Смерть Поэта» стало бы лишь одним из множества откликов на гибель гения.

Так что поэт Лермонтов родился не в 1837 году. Он родился в октябре 1814 года, в Москве. Убит был в июле 1841 года в Пятигорске, на дуэли. Покоится в Тарханах, на пензенской земле, в родовом имении его бабушки, Елизаветы Алексеевны Арсеньевой. При его жизни она была его единственной заступницей, не раз добивавшейся смягчения его участи.

А больше ему не было дано ничего из тех добрых даров, какими судьба наделила путь Пушкина. Не было у него ни Арины Родионовны, ни Лицея с его высоким дружеством и вольнолюбием. Рядом с Пушкиным всегда были Жуковский, Вяземский, Дельвиг, выдающиеся люди своего времени. Вокруг Лермонтова личностей такого масштаба не было. В его окружении были люди, имена которых и помнятся-то ныне лишь потому, что они были с ним знакомы. *Некоторых из них он даже звал друзьями,— но как же мелки и ограничены были они в сравнении с ним, а гора с бугорком не дружит... Не было дано ему и домашнего счастья: ни одна из тех, кого он любил, не поделила с ним его «кремнистый путь», со звездой его души не заговорила, не соединился свет звезды женского сердца.*

И еще один урок даёт он нам... Даже гений во всем остаётся земным человеком, со всеми своими слабостями и грехами, особенно когда он очень молод. *Мудрость из жизни и из книг предшественников он извлекает для творчества: в повседневности же он не всегда бывает мудр.* В «Смерти Поэта» есть строки, содержащие если не упрек Пушкину, то горький вздох о его ошибке:

Зачем он руку дал клеветникам ничтожным,
Зачем поверил он словам и ласкам ложным,
Он, с юных лет постигнувший людей?..

Но не то ли произошло и в жизни Лермонтова?.. Какая людская накипь вертелась вокруг него в последние дни его жизни! Один из тех людишек и застрелил его в упор — а ведь и его поэт звал своим товарищем. Пушкина его истинные

друзья изо всех сил спасали, удерживали от дуэли — Лермонтову буквально помогали идти к ней.

Парус его души остался одиноким.

Но это — в земной жизни. А в том космически-безмерном океане, где белеет этот парус, в пространстве русской вечности, он не одинок, хотя и недосягаем. Пока живет русский язык, пока бьются русские сердца — их будет звать к себе парус Лермонтова.

(Статья печатается с сокращениями)